

39

СОХА И МОЛОТ

**Вся власть Крестьянам и Рабочим
в лице их Советов.**

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Финансовый Отдел Минусинского Уездного Совета Кр., Раб. и Арм. Депутатов настоящим объявляет во всеобщее сведение всего населения г. Минусинска и уезда, что впредь до объединения Минусинского уезда с Советской Росией, кратко-срочные обязательства (срок которых истек и истекает), а также и керенки 40 и 20 рублевого достоинства, как государственные казначейские знаки Советской России, имеют обязательное хождение наравне с прочими денежными знаками, а потому никто не имеет права отказываться от принятия указанных денежных знаков.

Основание: постановление пленарного собрания Минусинского Уездного Совета Кр., Раб. и Арм. Депутатов совместно с представителями от Армейского Совета Крестьянской Армии от 27 октября 1919 г.

Председатель В. Солдатов.
Секретарь В. Обланевич.

Приглашаются все сапожные мастера на Общее Собрание 2 го ноября, в воскресенье к 10 часам дня для организации профессионального союза сапожников. Михайловская, 71 Кондратьеву.

Объявляется гражданам города Минусинска, что сего числа возобновлен Отдел Социального Обеспечения и по этому просим беженцев и немущих обращаться с просьбами о вспомоществовании непосредственно в выше указанный отдел (здание бывшего казначейства.)

7-1

Председатель Добрых.
Делопроизводитель Ильин

Отдел Социального Обеспечения объявляет отделам городского уездного Советов, чтобы в случае потребности в служащих и рабочих обращались в вышеуказанный отдел и не принимать помимо его.

7-1

Председатель Добрых.
Делопроизводитель Ильин.

Доводится до сведения гр. гор. Минусинска, что 31 Октября открыта Биржа Труда при Отделе Социального Обеспечения, куда и просим всех безработных обращаться за справками, и регистрацией для предоставления того либо труда или службы.

7-1

Председатель Добрых.
Делопроизводитель Ильин

Всем Волостным Советам

Ввиду того, что от Сельских Советов поступают заявления о том, что в деревнях не получается газета, которая посылается нами через Волостные Советы, просим Вас аккуратно рассылать присылаемые нами экземпляры газеты Сельским Советам.

Редакция газеты „Соха и Молот“.

Революция или эволюция.

Часто приходится слышать сетования на то, что, „шагая так широко, как у нас, с революцией далеко не уйдешь“ что, как гласит народная мудрость, „тише едешь дальше будешь“, — и много других подобных заявлений. Ниже я постараюсь объяснить, почему мы так быстро идем и куда спешим.

Общепризнанный взгляд на революцию, вернее, на ее начало, таков, что она может быть произведена лишь в том государстве, где народ досрочно уже до понимания тех идей, которые неразрывно связаны с революцией, короче говоря там где есть для этого почва, — нет почвы, — и революция превращается в вешушку, большую или малую, смотря по обстоятельствам. Мы здесь имеем ввиду революцию, как

таковую, какой была, напр., французская революция или сейчас наша. Однако, и такая революция не исключает возможности реакции, т. е., возврата к прежнему государственному строю, что мы и видим сейчас: это попытки сибирских авантюристов и т. д.

Вуревестниками революции являются, как выступления отдельных лиц, — вроде напр., террористических выступлений прежней с.-р. партии, — так небольшие коллективные, общия выступления. Как те, так и другие показывают, что народ просыпается, что существующий строй ему не пригоден, что строй этот устарел, и на смену ему должно явиться что-нибудь новое, более современное. Если народ даже не так развит в целом, если он не может подробно разобраться, что ему

нужно, куда нужно идти, — инстинкт жизни подскажет ему, инстинкт, или как веруют немцы, национальная душа, превратившие это верование в своего рода религиозный культ. Наконец, сама жизнь, этот лучший наш учитель, подскажет, что и как нужно делать. Возьмем такой пример. В начале нашей революции, февральской, наши требования были самыми маленькими: мы ограничились учредительным собранием, 4х членной формулой выборов и т. д.

Но уже лето 1917 г. показало, что эти требования не могут удовлетворить нас, что это меньше, чем полумера того, что от нас требует жизнь; и вот, чтобы не отстать от жизни, идущей такими быстрыми шагами, мы должны были признать октябрьскую революцию, социальную, как вполне современное и законное явление. Жизнь требовала большего и мы должны были согласиться с ее требованиями.

Противники революции, сторонники эволюционного развития, т. е. постепенного, „медленного, но верного“, как они выражаются, держатся того мнения, что наша революция — скачек, а раз это так, — толку от этого слишком мало.

Допустим, это скачек, но вот вопрос: какой характер носит этот скачек? Ведь если бы наша революция, как февральская, так и октябрьская, была скачком вперед жизни, мы бы давно уже провалились; это так же невозможно, как невозможно жить сегодня завтрашним днем.

Но вот в том то вся и суть, что это скачек за жизнью. Трехсотлетнее монархическое правление служило все эти 300 лет самым сильным тормозом. И без того мы были отсталыми благодаря нашествию кочевых варождностей, которых привлекала Русь своим богатством и которым помогали сами же русские правители (князья) своим бездарным правлением и подло глупыми замашками самодержцев. 300-летняя монархия докончила это „благо“ дело: она совершенно задавила всякую мысль даже о движении вперед, не говоря уже о самом движении. На западе совершались реформы, жизнь была ключом, у нас — непробудный сон. Оно и понятно: чем темнее народ, тем легче им править, и тем больше можно творить безобразий, сидя на престоле.

Мы слишком отстали от жизни и, чтобы догнать ее, должны были шагнуть вперед, дабы наверстать время, которое мы проспали.

Не нужно забывать того, что половина или даже две трети наших требований в начале революции являлись тем, что Западная Европа уже имела давно. Условия жизни таковы, что мы взяли и хотим взять лишь то, что является нашим правом, а не привилегией; мы взяли лишь то, что должны были взять, чтобы эволюционировать, идти вперед, чтобы колесо времени, застигнув нас отсталыми, не раздавило нас.

На это пожалуй, заметят: „Нельзя же ведь лупить такими скачками — от монархии к коммуне или даже социалистическому строю.“ Но ведь и ответственное министерство, и конституцию, и Учр. Собрание, повторяем, мы проспали. Вспомните, когда англичане получили конституцию. Соответственно и наша конституция спит где то в начале XVIII века. До 1917 г. донесли мы негрозной, оберегая, как сырое яйцо, монархию. Но ведь с такой ношей недогдо и потеряться в том, что называют историей человечества, и вот, бросив эту ношу мы и догоним человечество по пути его развития. Революция наша лишь показала, что Россия не дряхлая старуха, а сильная здоровая молодая девушка, которая, проснувшись от долгаго и глубокого сна рабства, хочет жить и жить долго и счастливо. Разве, ради такой предели, как монархия и т. п., нам отказаться от жизни? Ведь это было бы самоубийство — оставить монархию, ограничив ее такой непрочной вещью, как конституция, или чем-нибудь ей подобным. Мы же хотим жить и будем жить; пойдём вперед и... попробуйте нас остановить!...

S. C.

О родине.

Во всех газетах буржуазия твердела о постыдном мире, заключенном Советской Россией и продаже Родины оптом и в розницу германцам. Мало разбирающийся читатель верил этому сообщению и возмущался против своей власти.

Мир был заключен потому что вести войну с Германией при отсутствии армии и технических снаряжений соответствующих германским небыло возможности, а при том советское правительство признавало, что это бойня крестьянину и рабочему никакой пользы не принесет и даст только возможность фабрикантам и купцам набивать в дальнейшем свои карманы и строить свое благополучие на смерти и нищете трудящихся. Купцам и фабрикантам нужна родина, в которой они могли бы безконечно грабить трудящихся и это мы видим из предельно правительства. Чтобы удержать власть, это правительство наняло иностранцев чехо-словаков и стало им платить громадные суммы за убийство крестьян и рабочих, разрешая грабить везде и всюду. Но чехо-словаков было мало, чтобы вести борьбу на российском фронте и на внутренних: Канском Тасеевском, Нижнеудинском, Ачинском, Минусинском Мариинском, Иркутском и т. д. для этого нужно было пригласить еще кого нибудь из иностранцев. Но для этого нужно отдать часть Сибири продав часть отечества. И правительство над этим долго не задумывается. Оно приглашает японцев, якобы, для охраны железной дороги, в действительности для войны с возставшим крестьянством, и отдает за это всю восточную часть Сибири. Американцам за доставляемое снаряжение для чехо-словаков и казак в отдаленных районах всю Сибирскую жел. дорожную магистраль. Полякам за ведение войны с советской Россией обещает отдать западную часть России. Англичане закладывает северную часть России и радуются, когда напирают на Россию со всех сторон и хотят ее разорвать на клочки. Все эти друзья Колчаковского правительства вост с Россией не только потому, что им неизвестно советское правительство, но и потому что надеются получить от Колчака часть России. За одни бумажки они

воевать не станут, ибо они им не придают никакого значения. Это должно быть ясно для всех Китайцы, японцы и вообще иностранцы—деньги Колчага не принимают и товар у них можно купить на деньги, которые были выпущены прежними правительствами и которые признаны советской властью. Сибирские деньги выпущены для того, чтобы иметь возможность отобрать от крестьянина последнее и окончательно его закабалить. Это особенно резко бросается в глаза каждому, когда за 1000 р. прежних выпусков, платят сибирскими деньгами 2500 р.

Для расплаты с иностранцами правительство отобрало у крестьян даже керенки и готово продать всю родину, лишь бы только иметь возможность после спекулировать и набивать карманы. Им родина без наживы не нужна и им наплевать на такое отечество, в котором они не будут иметь возможности, ничего не делая, роскошно жить. Распуская ложные слухи про советское правительство, с помощью попов и офицеров обманули сибирских крестьян и рабочих и вовлекли их в страшную гражданскую войну, в которой на одной стороне участвуют сыновья а на другой их отцы.

Разстреливая крестьян, они и теперь пишут, что все это делают во имя и для спасения отечества, униженного и позорного советами. Посудите же теперь сами, товарищи крестьяне, и разберитесь, кто его опозорил и кто его привел в такой вид в каком оно находится в настоящее время.—Только тогда вам ясно станет, что значит для буржуазии слово Родина.

Зол.

Кто виноват?

За последнее время довольно часто приходится слышать упреки, которые бросают нам в том, что мы в вашей газете, допускаем много резких выводов не оправдываемых нападок на местную интеллигенцию.

Нам ставят на вид то, что мы должны просвещать массу, давать ей духовную пищу, воспитывать ее сознание, а не заниматься ненужной травлей, которая ни в коем случае не допустима, потому что мы не заслуживаем этого доверия населения, а наоборот—возбуждаем его против себя.

Усвоят ли себе настоящее положение те люди, которые бросают нам упреки?

«Вы травите интеллигенцию, учительство», говорят нам; «незаслуженно оскорбляете их, называя трусами и затем возмущаете против них массы» Так ли это?

Травил ли мы и е с т в у ю интеллигенцию? Нет. Разве никто не читал тех воззваний, тех обращений, которыми мы призывали всю трудовую интеллигенцию, чтобы она пришла на помощь к нам, приложила свои силы к строительству новой жизни? Разве мы не обращались к учительству, к учащимся, к трудовой молодежи?

И что же? На наш горячий призыв—отозвались очень, очень немногие...

Нам скажут—интеллигенция боялась идти работать вместе с нами.—Кого же и в чем чего она боялась позволять спросить нас? К началу «банкетов» жиганы большой дороги, или как нас там называют, могли бы сначала показаться страшными пока их не разглядели. Но ведь все могло видать с первых наших шагов, что мы из себя представляем; действительно ли мы таковы, какими изображала нас буржуазная пресса. А тем более, интеллигенция наверное сразу поняла—кто мы.

Так почему же она не пошла работать к нам? Ведь она прекрасно знала, что мы ничего, кроме честного плодотворного труда, от нее бы не потребовали—насиловать чужие убеждения не в наши правила, к тому же мы гарантировали всем свою оду убеждений, слова и совести.

После всего этого как же не упрекнуть интеллигенцию в нерешительности, даже в трусости, (конечно это резко; но ведь вообще правда бывает резко).

Слышав также жалобы со стороны интеллигенции, которая ставит нам в упрек то, что мы своими нападениями возбуждаем массу против нее

Действительно ли это так? Не сама ли интеллигенция своим враждебным отношением к нам возбуждает против себя народ.

Достаточно только вспомнить то злобное торжество, которое после падения Советской власти отплатило ту часть интеллигенции, которая разогнала буржуазии спергаты Советы. Сколько грязи лилось в периодической печати на власть трудового народа! Далеко за пределы не придется идти; взять хотя бы ту же «Звезда Труда»—орган

правых социалистов революционеров в Красноярске. С какими усердием перетрясла они старые грешки Советов и в уязву с буржуазной газетой «Свободная Сибирь» травля крестьян и рабочих. И все это представители трудовой интеллигенции, как они себя называют. А лидер кадетской партии т. прокурора Окружного Суда Лапо не возражал ни против себя, ни против интеллигенции, как Керпов, который к тому же старый политический работник.

Вашей минусинской газете «Минусинский Край» и говорить не приходится—в ней только в пели дифирамбы казакам и офицерам, «защитникам родины и... крестьянства»

Стыдно подумать о том, что в этой грязной газете сотрудничал такой представитель местной интеллигенции, как Керпов, который к тому же старый политический работник.

Вообще становится ясным то, что после победного отшествия интеллигенции к крестьянству и рабочим массам не только не могли питать к ней доверия, но даже настраивались враждебно.

Таких образцов, упрек, брошенный нам в том, что мы натравливаем массы на интеллигенцию считаем не справедливым.

Если мы и упрекаем или обвиняем интеллигенцию в нашей прессе, то все упреки и обвинения вполне основательны—мы приводим только факты, мы изображаем только горькую действительность. Зеркало ведь только тогда хорошо, когда оно правильно изображает все отражающееся в нем?

Нам самим тяжело видеть отношение интеллигенции к нам,—и очень неприятно то, что все лучшие культурные силы с т р а н ы не участвуют в налаживании метавизна нашей совместной жизни.

Неужели интеллигенция снова изберет тот путь, в котором она шла при Советской Власти в 1917 году, путь саботажа? Горько подумать о том, что власть трудового народа будет травить все, кому только вздумается. Мы не хотим видеть интеллигенцию в рядах наших врагов, которые травят нас из за угла. Таких врагов революционные законы карают. Если интеллигенция не пойдет в шлохмы признавать наши лозунги, то пусть она борется по борется идейно. Идеиные борцы достойны только уважения!

А. Б.

Ф Е Л Ь Е Т О Н.

Штрихи и наброски.

«Жизнь толкает нас вперед
На борьбу с незагодой
Много дела нам дает—
Не ленясь работать!»

Посмотрим, так ли у нас делается, и как мы шагаем вперед, в особенности наша писущая братия, и подходит ли к нам это коротенькое стихолетство. Я не буду брать в настоящее время железнодорожные поезда и старого режима чиновников. Первые опаздывали целыми сутками, а последние, получая на равне с жалованием и взятки, редко являлись на службу. Я возьму работничков пера и счет разных демократических учреждений.

Начало занятий в 10 часов утра. В отделе—хоть шаром покати. Сидят только кое где крестьяне члены по выбору, привыкшие у себя в Невеловках и Гореловках вставать с восходом солнца. А служащая братия по найму в большинстве еще отсутствует. Правда есть смягчающая вину обстоятельство. Например, некоторые из них заняты организацией спектаклей, некоторые занимаются самообразованием т. е. шифровкой самого себя; грызут алгебры и разные языки, начиная ну хотя с бычьего с хреном (хорошая вещь, добавлю я, в особенности после «тоненькой») и кончая языком остряков Тонго. Есть братия и клеузавка (если можно так выразиться), которая составляет разные ябеды на граждан обывателей Петушковых, Курочкиных и спекулянтов Мародеровых.

Вся вышеуказанная братия действительно занимается по вечерам часов до двенадцати, если не дальше, хотя со стороны бога света в лице осветительного материала и есть препятствие, но эта братия как то умудряется при содействии разных коптилок создавать спектакли, уничтожать языки и грызть алгебры, сочинять на Обжоровах всевозможные ябеды и т. п. Остальная же братия что творит в свое свободное время покамест ведает только один Аллах.

Но с двенадцати часов до восьми, я полагаю, сыгаться можно; восемь часов сна достаточно для любого организма, хотя и самого слабого. Неверующие могут справиться у любого эскулана.

С половины десятого утра и дальше начинает двигаться на службу чернильная братия. Двигается она с недовольной и кислой физией, якобы не выспавшегося человека. Причины недовольствия и кислотности физики заключаются не в том, что братия не выспалась, а нужно смотреть глубже.

Его наиблагочернейшая и наипочтеннейшая «половина» спохват и с ряду пересыпает своего благоверного, к которому пойдут меткая словечки одного печальника женской доли, понятно не крестьянской и рабочей, а чьей то другой:

Дня тяжелая, доля ты женская!

Спишь ты пятнадцать часов, Эх ты!

Ну да ладно. Не успеет изготовить утреннего подкрепления, хотя и скудного, пролетарского, но все же завтрака. И вот он, покидая кой—как в пустой желудок, оставшейся от вчерашнего ужина холодной картошки, (жевать тут уже некогда), сев буттерброд из черствого хлеба да опрокинув стакан полусырой воды, именуемой чаем, бежит на службу.

И так каждый день. Опоздывание регулярно происходит и помимо службы, например, на разные общественные собрания и т. п. Положим, в последнем грешат и трудовые силы, например, рабочие и крестьяне, последним благодаря их малому развитию, более простительно, чем первым.

Сравним теперь положение рабочих и их отношение к своему делу. Правда, и тут дело хромает и тут человек, привыкший другой раз не столько работает сколько смотрит на солнце да на часы, немилосердно гоня время. Ах скорю ли обед или шабаш, в особенности, когда находится на поленной работе. Но за то на работу то являются довольно таки братией аккуратно. Да ведь опоздай ка хотя на полчаса, разве предприятие не высчитает? И опоздание на работу среди рабочей братии явление довольно редкое, и является почти исключением. Спрашивается: почему же более развитая писущая братия не может или даже не хочет относиться более аккуратно к своим служебным обязанностям, хотя бы в смысле аккуратного посещения службы, чем «меньший собрат рабочий»? Ведь в смысле всевременного приготовления наиблагочернейшей половиной завтрака можно принять некоторые соответствующие (понятно смотря по чину и положению супруги) меры. Рекомендуются одним чудачком обливание холодной водой, но это во избежание страшного визга, которм, пожалуй, можно перелугать весь квартал, рекомендовать рискованно. А самое лучшее это сперва взять себя в руки.

Держат же себя в руках иностранцы, например: англичане, американцы, немцы и др. Справляются же они с собой и со своими благоверными; они являются на службу и на работы и исполняют их с точностью хронометра.

И вот взяв себя как следует в руки, можно заставить своим примером и других и свою благоверную. Правда, к некоторым неисправимым применится и воду, но это я думаю будет как исключение. И вот, проявив в себе такую силу воли, все эти неаккуратности по службе и работе исчезнут, как дым от лица огня.

Побольше силы воли и энергии. Долой халатности!

Сук

Т е а т р.

30 ноября в театре добр. пожар. общ. малороссийской сценической труппой было поставлено «Наталья Полтавка» одно из самых популярных приведений Котляревского. Автором она была названа оперой и, конечно, неправильно. Ее нельзя назвать даже опереттой. В современном понятии опера и оперетта означают совсем другое. У Котляревского «Наталья Полтавка» названа оперой в другом, не современном, смысле; раньше оперой называлась всякая комедия, или драма, в которую вводился вокальный элемент, в виде песен, ничего общего по тексту не имеющих с драмой или комедией, в которую они вводились.—А раз названо оперой, и «Нат. Полт.» вернее, к ее исполнителям, должны быть предъявлены и соответствующие требования.

Центральной фигурой, конечно, является Наталья.—Здесь я должен оговориться. Артистка, которая должна была играть Наталку, заболела, и ее роль исполнялась экспромтом если не ошибаюсь, артисткой Бравинной. Для экспромта, конечно, роль ис-

полнена не дурно. Изредка заметна была некоторая вялость в исполнении, что объясняется опять таки тем, что роль исполнялась экспромтом. Потом, артистка, вероятно, забыла о том живом темпераменте, который всегда так красил ее роль в прежние время.

О вокальной стороне сказать придется не много; одно,—недостаток голосовых средств артистки скрашивалась экспромтом, что разумеется, ставится ей в заслугу.

В порядке появления на сцене дальше идет роль пана Вознаго (С. Петрова). Своим выдержанным древним канцелярским холандским стилем он был очень хорош. Главное, выдержан был тип, что сделать не так легко и не каждому удается. Голос маленький но владеет им хорошо. Фазировка песни и игра во время пения, свойственные С. Петрову, всегда оставляют большое впечатление у зрителей-слушателей.

Дальше. Выборный (Тесля). Лучшее всех проведенная роль. Объясняется это как характером роли, так и санганическим темпераментом Тесли и мимикой, которыми он хорошо владеет и воспользовался в роли Выборного: хотя местами заметно было, что артист впадал в шарж, но нужно заметить, а оправдание ему, что в малороссийских пьесах трудно узнать, где кончается комедия и где начинается шарж. Голос большой, но мало обработанный. По тембру заметно, что Тесля или поет или пел раньше в церковном хоре: финальные длинные ноты смахивают на звуки церковных песнопений.

Горпына (Овсянко) Роль не большая, потому трудно судить, что могла бы дать артистка. Во всяком случае, роль проведена не худо. Некоторая вялость в игре, но была уместной, объясняя забитость и бедность Горпыны. Оживление было заметно лишь в 3 действии, при благословении «детей».

Мыкола. Роль проведена слабовато. Мало оживления. О стороне вокальной лучше воздержаться.

Петро (Курченко) почти полное отсутствие движений. Плохой гримм и одежда делавшие Петра похожим больше на женщину, чем на мужчину.—Довольно красивый тенор. «Сонце нызенько»—спетая за сценой вышла очень хорошо. Хуже—песни петья у рамы. Очевидно, артист слишком волнуется при виде публики. Неправильное дыхание при пении. Берет дыхание в середине слова, чего не допускается.

Общее впечатление от пьесы—вялость. Не соответствующие стилю декорации: громадные окна, фильончатая дверь, котрые, конечно, и во сне не снилось бедной Горпыне. Ярким пятном на фоне всей пьесы была сцена 3 действия, встреча Петра с Наталкой, потом последующие сцены отъезда Вознаго от Наталки.

О поведении публики говорить даже не стоит. Это такое зло с которым сил нет бороться. Для меня непонятно одно: зачем платить деньги, чтобы идти в театр и там хулиганить?—Есть притче и дешевле напиться и хулиганить по улице. Было много пьяных.

S. C.

Редактор—издатель

Редакционный отдел Крестьянской армии.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Ночью с 30 на 31 октября со двора Главного Штаба у дежурившего тов. солдата утерялась лошадь масти гнедой, хвост и челка подрезаны. На ней казачье седло, в торка кар привязано одеяло, в одеяле полотенцев и рубашка. Нашедшего прошу доставить в Главный Штаб.

Солдат Манекаго полка Королев.

Членом Реквизиционного Отдела, Дмитрием Калтыгой, утерян мандат за № 790 на право реквизиции и конфискации, выданный на его имя. Упомянутый мандат считать не действительным.

На Тагарском острове, 29 октября убежал конь масти гнедой с казачьим седлом и привязанной в торка шинелью. Нашедшего прошу доставить в эскадрон кавалерии Канского полка солдату Михаилу Егорову.

Утерян мандат на имя тов. Осипова за № 634. Упомянутый мандат считать недействительным.